

«ДОКЛАДЧИК ВПАЛ В ДРУГУЮ КРАЙНОСТЬ». Н.В. УСТЮГОВ НА СОВЕЩАНИИ БАШКИРСКОЙ КОМИССИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР 4–7 ФЕВРАЛЯ 1946 г.

Статья посвящена участию выдающегося специалиста по истории Башкирии XVII–XVIII вв. Н.В. Устюгова в заседании Башкирской комиссии Института истории АН СССР 4–7 февраля 1946 г. Рассматривается его роль в подготовке «Очерков истории Башкирии», пересмотр которых в соответствии с новыми идеологическими требованиями являлся целью данного совещания. Анализируются выступление Устюгова с критикой подготовленной редакции «Очерков» и его участие в обсуждении их нового варианта, позволяющие выявить его взгляды на башкирскую историю. Рассматривается доклад Н.В. Устюгова об оценке башкирских восстаний XVII в., являвшийся попыткой использовать идеологические перемены для продвижения своих взглядов на характер данного исторического явления. Выявляются причины, не позволившие Устюгову добиться поддержки своих взглядов со стороны других участников данного совещания.

Ключевые слова: советская историография; Башкирская комиссия; «Очерки по истории Башкирии»; Н.В. Устюгов.

Среди выдающихся отечественных историков, посвятивших свою жизнь изучению российской истории XVII–XVIII вв., одно из первых мест занимает создатель концепции раннего генезиса капитализма в России профессор Московского государственного историко-архивного института Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963). Одним из основных направлений его исследований являлась история Башкирии указанных столетий, изучая которую, он сформулировал концепцию «свободного вассалитета» башкир и выдвинул положение о феодальном характере башкирских восстаний. Эти идеи нашли отражение в обобщающем труде «Очерки по истории Башкирской АССР», над которым Устюгов работал почти пятнадцать лет. Тем не менее эта сторона его деятельности была лишь кратко рассмотрена в двух статьях историко-биографического характера, оставивших в стороне многие вопросы, связанные с подготовкой данного труда [1. С. 14–15; 2. С. 717]. К числу таких вопросов принадлежит один из важнейших эпизодов работы Устюгова над «Очерками по истории Башкирской АССР» – его участие в заседании Башкирской комиссии, проходившем 4–7 февраля 1946 г.

Подготовка данного обобщающего труда, первоначально называвшегося «Очерками по истории Башкирии», началась в Институте истории АН СССР на рубеже 1930–1940-х гг. В те годы одной из приоритетных тем советской историографии являлась история народов СССР, охватывавшая прошлое всех народов Советского Союза, кроме русского. Идеологическая переоценка данной сферы, связанная с установлением партийного курса на формирование советского патриотизма, затронула в то время только историю украинцев и грузин, а в отношении других народов продолжали господствовать оценки марксистской историографии 1920-х гг., объявлявшей их присоединение к России «абсолютным злом» и провозглашавшей национальные движения проявлениями антиколониальной борьбы [3. С. 302].

Поэтому в «Очерках по истории Башкирии» ее присоединение к России расценивалось как завоевание, а башкирские восстания именовались антиколониальными движениями [4. Л. 48, 99]. Подготовкой «Очерков...» руководил башкирский историк Ш.И. Типеев, закончивший Институт красной про-

фессуры и направленный в Институт истории по командировке ЦК ВКП (б) [5. Л. 50 об.]. Кроме него в авторский коллектив «Очерков» вошли известный специалист по истории Башкирии XVIII в., сотрудник Ленинградского отделения Института истории А.П. Чулошников и еще девять московских и башкирских историков. Но «Очерки» так и не были изданы, так как их подготовку к печати прервала Великая Отечественная война.

В ходе войны идеологический поворот, начатый в 1930-е гг., завершился. Отныне в официальной идеологии стала подчеркиваться совместная борьба советских народов с внешними врагами и начало осуждаться прославление антирусских движений народов СССР [3. С. 528]. В этой ситуации стало видно несоответствие подготовленных «Очерков» официальной идеологии, вынудившее в 1943 г. одного из авторов – Р.М. Раимова, напечатать их текст в нескольких экземплярах и отправить его на экспертизу в ЦК ВКП (б). Сотрудники аппарата ЦК дали ему негативную оценку, которая была официально закреплена в изданном 27 января 1945 г. Постановлении «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации». Идеологическими ошибками авторов «Очерков» в нем назывались отсутствие разграничения между феодальными набегами и национально-освободительным движением башкир, недостаточная демонстрация угнетения трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализация патриархально-феодального прошлого башкир [6. С. 540]. Данные замечания в основном касались периода XVI–XVIII вв., которому были посвящены главы, написанные А.П. Чулошниковым, Н.В. Устюговым, В.И. Лебедевым, Н.И. Кудрявцевой, Р.М. Раимовым и А.П. Николаенко [7. Л. 2–3]. Для переработки «Очерков» в соответствии с новыми требованиями 14 июня 1945 г. в Институте истории была создана Башкирская комиссия, которую возглавил В.И. Лебедев. Кроме него, в ее состав вошли Р.М. Раимов и Н.В. Устюгов [8. С. 141].

Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 27 января 1945 г. историки должны были провести собрания, посвященные критике идеологических ошибок в работах по истории Башкирии [6. С. 542]. В феврале

1946 г. участники комиссии собрали в Москве совещание авторов «Очерков», которое должно было выявить основные недостатки подготовленного текста и наметить план его переработки. Результаты совещания следовало представить в ЦК [9. Д. 84. Л. 30]. Первый день его работы (4 февраля) был посвящен критике подготовленного варианта «Очерков». Совещание открыл доклад председателя комиссии Лебедева, озвучившего основные замечания, сделанные по тексту «Очерков» в ЦК, и указавшего на аналогичную критику работ по истории Казахстана, Узбекистана и Татарии. Наряду с ошибками, указанными в тексте постановления ЦК, он отметил еще несколько отклонений авторов от официальной идеологии, связанных с идеализацией Золотой Орды, негативной оценкой присоединения Башкирии к России и отсутствием положительной оценки влияния русской культуры на развитие башкир [Там же. Д. 83. Л. 3–10].

Вслед за Лебедевым выступил Устюгов, озвучивший замечания, сделанные по тексту «Очерков» Башкирской комиссией. Их большая часть соответствовала идеологической критике ЦК. В качестве основного недостатка «Очерков» им был назван башкирский национализм, проявлявшийся в подчеркивании эксплуатации башкир со стороны русских помещиков и кулаков, и полном молчании об эксплуатации башкир со стороны местных феодалов [Там же. Л. 12, 25]. Также он обозначил в качестве недостатка «Очерков» невнимание авторов к вопросам социального и экономического устройства башкирского общества. Вместе с тем замечания Устюгова, посвященные главе о Гражданской войне в Башкирии, никак не были связаны с постановлением ЦК и, наоборот, противоречили официальной идеологии. Его критику вызвало затушевывание поражений большевиков в ходе Гражданской войны и невнимание к различиям между представителями Комуча, сибирскими областниками, казаками и колчаковцами [Там же. Л. 32–33]. Акцентирование различий между диктатурой Колчака и периодом «демократической контрреволюции» шло вразрез с «Кратким курсом истории ВКП (б)» и не было принято в то время среди историков Гражданской войны [10. С. 5].

После Устюгова выступил директор Башкирского НИИ языка, литературы и истории А.Н. Усманов, озвучивший замечания по тексту «Очерков» со стороны данного института. Его критика в целом повторяла замечания Лебедева и Устюгова. Прослушав доклады, участники совещания приступили к их обсуждению, ключевым пунктом которого стал вопрос об авторстве разделов, противоречащих официальной идеологии. В ходе обсуждения Устюгов назвал основными виновниками идеологических ошибок в «Очерках» А.П. Чулошникова, умершего в годы войны, и Ш.И. Типеева, находившегося на момент совещания в армии. Воспользовавшись тем, что в период написания «Очерков» их авторы не встречались между собой, Устюгов, Лебедев и Раимов скрыли факт своего участия в написании тех глав, которые вызвали замечания ЦК, и переложили основную вину на умершего Чулошникова и Типеева, принадлежавшего, в отличие от них, к группе «красных профессоров» [9. Д. 83. Л. 50].

Закончив с разбором идеологических ошибок, участники совещания посвятили заседания 5 и 6 февраля вопросу о переработке «Очерков». По итогам обсуждения был принят план переработки «Очерков», сокращавший их объем с 18 глав до 11. Значительному сокращению подверглись главы об истории Башкирии XVI–XVIII вв., из названий которых исчезли формулировки о завоевании Башкирии Московским государством и борьбе башкир за независимость [9. Д. 84. Л. 32–34].

Следует отметить, что сокращение объема «Очерков» было связано не только с идеологическими причинами, но и с тем, что главы по истории XIX–XX вв., написанные башкирскими авторами, содержали большое количество необработанного источникового материала [Там же. Л. 26, 28]. В новой редакции «Очерков» сотрудникам Башкирского НИИ было поручено написание разделов по истории культуры [8. С. 141]. Переработка остальных разделов была поручена московским историкам. В частности, Устюгов должен был переписать разделы о башкирских восстаниях XVII в. и восстании 1737–1739 гг. [9. Д. 84. Л. 32–34, 150–151]. Следует отметить, что параллельная работа над данными разделами стала для Устюгова очень плодотворной и позволила ему в 1947 г. создать концепцию «свободного вассалитета», связывавшую причины башкирских восстаний с особенностями социальной психологии представителей башкирской знати [11. С. 44]. После утверждения состава авторского коллектива и плана переработки «Очерков» на совещании встал вопрос о сроках окончания работы. Отвечая на него, Устюгов сказал: «1 декабря <1946 г.> я положу на стол директору института готовый текст “Очерков”. Таковы мечты. Завтра я доложу одну готовую часть, и вы сможете меня ругать, как вашей душе угодно» [9. Д. 84. Л. 157].

На следующий день, 7 февраля, Устюгов прочитал доклад об оценке башкирских восстаний XVII в. Говоря о причинах недовольства башкир деятельностью Московского государства, он избегал традиционного для советской историографии подчеркивания алчности царского правительства и указывал, что оно никогда не ставило своей целью разорения башкир, так как было заинтересовано в сохранении их способности уплачивать ясак в казну. Вместе с этим он отмечал контраст между намерениями правительства и повседневной административной практикой и утверждал, что тяжесть податей, земельные захваты и злоупотребления со стороны местной администрации вызывали рост недовольства среди рядовых башкир. Рассматривая причины, вызвавшие участие в восстаниях башкирских феодалов, Устюгов, также как и в довоенной редакции «Очерков», приводил тезис Н.А. Фирсова о том, что многие из них были недовольны своим превращением в слуг московского государства и утратой безраздельного господства над трудящимися населением.

Кратко характеризуя ход восстания 1662–1665 гг., он говорил, что движение башкир вылилось в нападения на русские поселения, «причем нападавшие не делали разницы между помещичьими и крестьянски-

ми поселениями, они грабили подряд и те, и другие, жгли, уводили в плен, отгоняли скот» [9. Д. 84. Л. 180]. Говоря о причинах прекращения данного восстания, Устюгов утверждал, что оно прекратилось вследствие разочарования в нем рядовых башкир, которым оно принесло только разорение. В качестве второй причины его прекращения он называл переход на сторону правительства феодалов, привлеченных обещаниями жалования, служебных и податных льгот [Там же. Л. 185–187].

Подводя итоги восстания 1662–1665 гг., Устюгов утверждал, что его нельзя называть национально-освободительными движениями, так как оно вело не к освобождению башкир из-под власти Московского государства, а к их подчинению Кучумовичам или калмыкам, что означало бы порабощение башкир и ассимиляцию их с другими кочевыми народами. При этом он подчеркивал, что реакционная деятельность калмыков особенно ярко проявилась в ходе Сеитовского восстания 1676–1683 гг. Устюгов отмечал, что активные действия башкир в ходе этого восстания начались только в 1682 г. (после того как они примирились с калмыками). Кратко пересказывая содержание пятнадцатого и шестнадцатого параграфов рукописи 1939 г., он говорил, что в 1682 г. башкиры и калмыки действовали вместе, но московское правительство сумело посорить союзников и добилося того, что калмыки принесли присягу на верность царским властям. Несмотря на принесенную присягу, калмыки продолжали грабить русские и башкирские поселения. По словам Устюгова, действия калмыков в 1683 г. наглядно показали, что калмыцкие феодалы стремились к расширению своих кочевий, захвату башкирского имущества и подчинению башкир своей власти. Спасаясь от калмыцких отрядов, башкиры в панике покидали свои поселения, бросая имущество. Это давало Устюгову основание утверждать, что союз с калмыками не принес башкирам ничего, кроме тяжелых последствий [Там же. Л. 194–195]. Давая в конце доклада идеологическую характеристику восстаний, он повторял тезис о том, что башкирские восстания нельзя называть национально-освободительными. Подкрепляя свои выводы ссылкой на классиков марксизма-ленинизма, он приводил цитату из работы Сталина «Об основах ленинизма», в которой говорилось, что национальные движения угнетенных стран нужно оценивать по их результатам, и заявлял, что по своим результатам башкирские восстания XVII в. были реакционными [Там же. Л. 196].

После завершения доклада Устюгову был задан ряд вопросов о документах, на основании которых он делал свои выводы. В основе доклада лежали документы, опубликованные в IV томе Дополнений к «Актам историческим» и «Материалах по истории Башкирской АССР». Тем не менее Устюгов не стал подробно характеризовать источники, на основании которых были сделаны его выводы, а ограничился указаниями на то, что во многих документах имеются упоминания об организующей роли Кучумовичей в восстании 1662–1665 гг. и разорении калмыками башкирских селений в ходе восстания 1682–1683 гг.

[9. Л. 202–203]. При этом он подчеркнул, что негативная оценка башкирских восстаний XVII в. не распространяется на башкирские движения XVIII в., носившие характер освободительной борьбы против колониальной политики царизма [Там же. Д. 84. Л. 205]. Следует отметить, что, отвечая на вопросы, Устюгов датировал башкирские восстания XVII в. иначе, чем в докладе. Если в докладе, написанном на основе довоенной редакции «Очерков», он использовал датировки Чулошникова, полагавшего, что башкирские восстания происходили в 1662–1665 и 1676–1683 гг., то при ответах на вопросы он датировал башкирские восстания 1662–1664 и 1682–1683 гг. Причина изменения дат башкирского движения 60-х гг. XVII в. была раскрыта им в заключительном слове после обсуждения доклада, где он отметил, что в 1664 г. массовые выступления башкир прекращаются и после этого происходят лишь отдельные набеги, инспирированные Кучумовичами [Там же. Л. 241]. Изменение датировки Сеитовского восстания было вызвано отсутствием упоминаний в документах о вооруженных выступлениях башкир в период с 1676 по 1681 г., что было отмечено Устюговым еще в довоенной редакции «Очерков». Новая датировка башкирского движения 1660-х гг., предложенная на совещании Устюговым, в дальнейшем закрепились в советской историографии.

После ответов докладчика на вопросы началось обсуждение, в ходе которого все участники совещания выступили против его позиции. Для историков ВКП (б) являлась неприемлемой реабилитация царизма, у башкирских историков к этой причине добавлялось неприятие дегероизации их прошлого, поддерживавшие Устюгова в других вопросах Лебедев и Раимов, вероятно, посчитали, что его взгляды не соответствовали текущему идеологическому моменту. Наиболее четко взгляды остальных участников выразил башкирский историк С.Н. Нигматуллин, заявивший, что докладчик впал в другую крайность и перешел от идеализации башкирских восстаний XVII в. к отрицанию положительных сторон башкирских движений XVII в. [Там же. Л. 218]. Оценку восстания 1662–1665 гг. как реакционного поддержал только Раимов, но и он указал, что Устюгов излишне благожелательно описывал политику царизма [Там же. Л. 225].

Выступая после обсуждения доклада, Устюгов заявил, что сознательно заострил поднятые вопросы с целью вызвать дискуссию по данным проблемам. Он отметил, что у него есть другой текст о башкирских восстаниях XVII в. и вынесенные из дискуссии наблюдения будут использованы им при доработке этого текста [Там же. Л. 242]. При этом он не внес ни одного слова о своем докладе в официальный отчет о совещании, опубликованный в журнале «Вопросы истории» под заголовком «В Институте истории Академии наук СССР» [12. С. 151–154]. Будучи учеником историков «старой школы», Устюгов исходил при оценке исторических событий из национально-государственных, а не классовых интересов. Оценивая башкирские восстания как реакционные, он не подстраивался под господствующую идеологию, а, наоборот, пытался использовать идеологический по-

ворот для продвижения своих взглядов. После совещания Устюгов продолжил использовать в текстах «Очерков» довоенную оценку башкирских восстаний как освободительных и прогрессивных. Но работу над ними не удалось завершить в намеченный на совещании срок, и они вышли из печати только через десять лет, в 1956 г. Поскольку с 1952 г. присоединение коренных народов к России стало рассматриваться уже не как «наименьшее зло», а как «абсолютное благо»,

башкирские восстания XVII в. получили в «Очерках» характеристику реакционных явлений [13. С. 106]. Таким образом, в «Очерках» закрепились точка зрения Устюгова на характер башкирских восстаний, однако ее утверждение было связано с усилением идеологического давления на историческую науку, вынудившим его исключить из их итогового текста многие яркие аспекты его концепции башкирских восстаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преображенский А.А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М. : Наука, 1966. С. 7–22.
2. Преображенский А.А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М. : РОССПЭН, 2001. С. 714–720.
3. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. 800 с.
4. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1535. Оп. 1. Д. 39.
5. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 10. Оп. 1. Д. 43.
6. Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. С. 539–544.
7. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а.
8. Тихонов В.В. «Тут явно сквозит дух объективизма...»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е – начале 50-х гг. // Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014. С. 139–148.
9. АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Д. 84.
10. Салазникова С.С. Антибольшевистские правительства Урала и Сибири в период «демократической контрреволюции»: январь–ноябрь 1918 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
11. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30–110.
12. Устюгов Н.В. В Институте истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 151–154.
13. Устюгов Н.В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 81–123.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 мая 2015 г.

“THE ORATOR FELL INTO THE OTHER EXTREME.” N.V. USTYUGOV AT THE MEETING OF THE BASHKIR COMMITTEE OF THE USSR AS INSTITUTE OF HISTORY, 4–7 FEBRUARY 1946

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 92–96. DOI: 10.17223/15617793/401/14

Emelyanov Evgeniy P. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

Keywords: Soviet historiography; Bashkir Committee; Essays on the History of Bashkortostan; N.V. Ustyugov.

Professor of the Moscow State Institute for History and Archives (MGIAI) Nikolay Vladimirovich Ustyugov (1896/97–1963) was one of the famous specialists in the Bashkir History of the 17th–18th cc. The article is devoted to the participation of N.V. Ustyugov in the meeting of the Bashkir Committee of the Institute of History, USSR AS, on 4–7 February 1946. The committee was established at the Institute of History in 1945 for the revision of *Ocherki po istorii Bashkirii* [Essays on the History of Bashkortostan] under the new ideological demands. Preparation of *Ocherki* began at the Institute of History in the 1930s when the Bashkirs were proclaimed victims of the Russian colonial policy, and Bashkir rebellions were called manifestations of revolutionary struggle. During the Great Patriotic War, there was a revision of the ideological valuations of history of the peoples of the USSR. Since then, a joint struggle of the Russians and Bashkirs against external enemies was emphasized. In 1945, the first edition of *Ocherki* was criticized by the Central Committee. To satisfy the criticism of the Central Committee, the Bashkir Committee meeting was convened on 4–7 February 1946. On the first day of the meeting, Ustyugov voiced critical remarks made in the text of the first edition of *Ocherki* by the Bashkir Committee. Some of the remarks were consistent with the criticism of the Central Committee, for example, the selection of Bashkir nationalism as the main flaw in the first edition. His other remarks opposed the official ideology, for example, he emphasized the differences between the supporters of Kolchak and the representatives of the democratic counter-revolution. The following two days of the meeting were devoted to the issue of the revision of *Ocherki*. In discussing this issue, Ustyugov was entrusted to revisit chapters on the Bashkir rebellions of the 17th c. and 1737–1739. Work on them allowed him to create the concept “free vassalage” that explained the Bashkir rebellions with the social-cultural characteristics of the Bashkir nobility. On the last day of the meeting Ustyugov read a report on the assessment of the Bashkir rebellions of the 17th c. He stated that these rebellions were reactionary movements. They could not bring liberation to the Bashkirs, and their victory result would have been submission of the Bashkirs to Siberian princes or to the Kalmyks. Ustyugov tried to use the ideological changes to promote his views on the nature of the Bashkir rebellions. But other participants of the meeting did not support him and stated that the orator fell into the other extreme, and changed the glorification of the Bashkir rebellions by their total dispraise. The idea of the reactionary nature of the Bashkir rebellions confirmed in Soviet historiography in the early 1950s, but it was connected with the amplification of the ideological pressure on science which forced Ustyugov to renounce the most striking aspects of his concept of the Bashkir rebellions.

REFERENCES

1. Preobrazhenskiy, A.A. (1966) Tvorcheskiy put' Nikolaya Vladimirovicha Ustyugova [The creative way of Nikolai Vladimirovich Ustyugov]. In: Shunkov, V.I. et al. (eds) *Goroda feodal'noy Rossii: sb. st. pamyati N.V. Ustyugova* [Cities of the feudal Russia: A collection off articles in memory of N.V. Ustyugov]. Moscow: Nauka.

2. Preobrazhenskiy, A.A. (2001) Ustyugov Nikolay Vladimirovich [Nikolay Vladimirovich Ustyugov]. In: Chernobaev, A.A. (ed.) *Istoriki Rossii: biografii* [Russian Historians: biographies]. Moscow: ROSSPEN.
3. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istoriik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and power: the historical science in the USSR and the concept of the history of the feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950-ies)]. Bryansk: Bryansk State University.
4. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1535. List 1. File 39. (In Russian).
5. Scientific Archive of the Institute of Russian History, RAS (NA IRI RAN). Fund 10. List 1. File 43. (In Russian).
6. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1985) Postanovlenie TsK VKP (b) “O sostoyanii i merakh uluchsheniya agitatsionno-propagandistskoy raboty v bashkirskoy partiynoy organizatsii” [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) “On the status and measures to improve propaganda activities in the Bashkir party organization”]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee Plenums]. Moscow: Politizdat.
7. Scientific Archive of the Institute of Russian History, RAS (NA IRI RAN). Fund 1. Part “A”. List 1. File 50a. (In Russian).
8. Tikhonov, V.V. (2014) “Tut yavno skvozit dukh ob”ektivizma...”: sozdanie “Ocherkov po istorii Bashkirii” v 1940-e – nachale 50-kh gg. [“There is a clear spirit of objectivism . . .”: the creation of Essays on the History of Bashkortostan in the 1940s – early 1950s]. In: Tikhonov, V.V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, power in Russia in the twentieth century]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1535. List 3. File 84. (In Russian).
10. Salaznikova, S.S. (2005) *Antibol'shevistskie pravitel'stva Urala i Sibiri v period “demokraticheskoy kontrrevolyutsii”: yanvar'–noyabr' 1918 g.* [Anti-Bolshevik government of the Urals and Siberia during the “democratic counter-revolution” in January–November 1918]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Ustyugov, N.V. (1947) Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [The Bashkir uprising of 1662–1664]. *Istoricheskie zapiski*. 24. pp. 30–110.
12. Ustyugov, N.V. (1946) V Institute istorii Akademii nauk SSSR [In the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii*. 8–9. pp. 151–154.
13. Ustyugov, N.V. (1956) Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Bashkirii vo vtoroy polovine XVI i v XVII veke. Politika tsarizma. Feodal'nye dvizheniya [The social-economic relations in Bashkiria in the second half of the 16th and the 17th centuries. The policy of tsarism. Feudal movements]. In: Smirnov, A.P. et al. (eds) *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR* [Essays on the History of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Received: 29 May 2015